

МОЙ ДЯДЯ БЕНЯ

Вообще-то, если в точности, он мне не дядя, хотя я всегда его называл и буду называть, пусть его уже нет, дядя Беня. Вам никакой разницы, а мне так привычно. Но никакой он мне не дядя: он был женат на моей родной тете Гене, одной из семи сестер моей мамы. Она вышла за него, когда ей было за пятьдесят, а ему, как мне казалось, далеко за семьдесят лет.

Когда началась война, евреев — жителей Бессарабии, которая незадолго до войны стала советской, сочли неблагонадежными, и моих будущих родителей сослали в Казахстан — на трудфронт. С ними поехали бабушка и мамина младшая сестра Геня, которую нельзя было оставить одну.

У Гени был жених Леня, как раз в конце июня 1941 года они собирались пожениться. Бессарабских евреев в армию брали неохотно, но Леню почему-то взяли. Как взяли его в армию, так он как будто и пропал. Никаких писем от него не было, и Геня, как говорили ее сестры, сходила с ума: она все время была как будто бы не здесь.

И отвечала невпопад, и одевалась как-то странно — могла выйти на улицу и забыть надеть туфли, шла босая. Бабушка никуда не отпускала ее одну и очень боялась, как бы она совсем не тронулась. И когда стали отправлять папу и маму, бабушка, ехавшая с ними, взяла с собой Геню.

Их поселили в корейском квартале, самом худшем в Алма-Ате. Папу отправили работать в шахте, а маму — в колхоз, убирать урожай буряков. Руки у нее были черными, их ничем было не отмыть. Но хуже было другое: Геня стала с самого утра ходить на вокзал. Там она сидилась на скамейку, сидела и молча смотрела на проезжающие поезда. Милиционеры несколько раз приводили ее домой, потом перестали — бабушка сказала им ее не трогать. Когда темнело, бабушка приходила на вокзал и забирала Геню. Дома она гладила ее по голове и говорила:

— Зол гот упитын майн кинд. Спаси Господь моего ребенка.

Так прошла целая неделя. Однажды бабушка пришла за Геней, но ее не нашла. Стала искать, спрашивать на своем ломаном русском, и кто-то из тамошних работников рассказал ей невероятные вещи.

Геня сидела на скамейке и, как всегда, смотрела вдаль. Вдруг кто-то окликнул ее на идиш:

— Вус тисты ду, Гитэлэ? Что ты делаешь?

Дальше по рассказу бабушки было так: Геня увидела на дальних путях поезд, на открытых платформах которого стояли военные машины. В одной

машине сидел ее Леня. Геня пошла через рельсы, взобралась на платформу села к нему в кабину. Через какое-то время состав тронулся.

Когда бабушка рассказывала эту невероятную историю, она всегда приговаривала на идиш:

— Что я просила Б-га, так-то он и сделал. — Она говорила с нами только на идиш.

Леня до войны был шофером, его и в армию взяли водителем. Очень скоро он был ранен, пробыл в госпитале пару месяцев, писал оттуда Гене, но она, как выяснилось, не получила ни одного его письма. После госпиталя его послали перевозить из тыла на фронт машины. В тот день он как раз сидел в одной из старых машин — вез их в ремонт на автомобильный завод, эвакуированный в тыл.

После войны Геня с Леней жили в Тюмени, там родились их дети Неля и Юра, а Леня умер от рака. Тогда Геня взяла детей и поехала в Кишинев, где жили мы и бабушка. Но в столице ее не прописали, и она поселилась в близлежащем селе Страшенах, зарабатывала шитьем и растила детей. После войны в селе было трудно и голодно, заказов было мало, и Гене приходилось браться за любую работу. Выйти замуж ей не удавалось, хоть она была красивой и фигуристой: в этом селе не было холостого еврея, а за гоя Геня выходить не собиралась.

Первым покинул дом сын Юра. Он увидел объявление о наборе в фабрично-заводское училище в каком-то украинском городе и уехал туда. Евреев и там было немного, но Юра познакомился с девушкой с той же фамилией, что и у него. Ее пapa был директором большого тамошнего завода, но Юру привлекло не это: он влюбился по уши в эту девочку, которую все называли «конфеткой». Ее пapa сказал, что не всегда был директором: когда-то и у него его руки были в мазуте. Потом пapa спросил Юру, были ли они уже с его дочкой вместе? И услышав честный ответ, сказал: тогда будем делать свадьбу. Зови своих родственников сюда. Юра с невестой приехали в Кишинев. Юля и вправду была «конфеткой»: моя мама и ее сестры прозвали ее «бонбоной». Все радовались, что Юра попал в «балботышер» — состоятельный — еврейский дом. Юля много ходила по магазинам, капризно требовала, чтобы Юра ее сопровождал, и Юра чувствовал себя неудобно перед нами. Но она была так хороша, что моя мама говорила: «Она еще вырастет, ничего страшного, пока потерпи». Все поехали на свадьбу, кроме бабушки. Бабушка сказала:

— Это долго не протянется. Юра, этот гройсер акшн — упрямец — не будет долго терпеть эту куколку.

Так и вышло. Юра был работящим парнем, тесть сделал его мастером и хотел было отмазать от армии, но Юра воспротивился и пошел служить. Назад к

жене он уже не вернулся: потом он говорил, что не очень-то и хотел идти в армию, но решил покончить с семейной жизнью с Юлей. Он приехал в Кишинев — спросите меня, почему все евреи возвращались в этот еврейский город, — и вскоре снова женился. И опять неудачно, но это другая история.

Дочь Гени Неля выросла в настоящую еврейскую красавицу. Она мне нравилась. Я сравнивал ее с Софи Лорен и вряд ли ошибался. Неля не красилась, но раз я попросил ее накраситься, она неумело нанесла какой-то простейший грим, и сходство стало еще больше — Неля сама сказала смущенно: «Ну, немножко есть».

Окончив школу, она поехала к сестрам покойного Лени в Черновцы и произвела там настоящий фурор. Тетя Геня, никогда не учившаяся в русской школе, по-русски говорила не совсем правильно, путала слова:

— Неличка, как только туда приехала, сделала «азойнэ терор», такой террор, что все мальчики рыдали.

И хоть она перепутала фурор с террором, я думаю, что сказала она правильно, потому что в этом бывшем австро-венгерском городе, где жило много евреев, в дом, где поселилась Неля, целый день приходили мамы еврейских парней, чтобы посмотреть на Нелю, нездешнюю «а красавице»!

Отправляя дочь к теткам, Геня позвонила им и поручила найти Неле балботышер — доброго, работящего — мужа, чтобы Неля не мучилась больше от бедности и забыла, что это такое, когда нечего кушать. Теткам было стыдно: они никогда не помогали Гене деньгами. И они решили сделать что-то хорошее для Лениной дочери, этой чистой жемчужины, рейнике перл.

Теперь по главной черновицкой улице, местному бродвею, куда выходили еврейские окна, каждый вечер прогуливались Неличка с очередным предполагаемым женихом и одной из теток: о том, чтобы отпустить Нелю одну, не могло быть и речи!

Через неделю был отобран самый солидный претендент. Не худой, не высокий, не красавец, старше Нели на 8 лет, с хорошей зарплатой — водитель автобуса Сеня.

— Ты знаешь, я была как в дурмане, — рассказывала потом Неля, — целый день эти тетки гипнотизировали меня разговорами, какой он хороший, и куда ты вернешься, опять в эту бедность, кто тебе сможет помочь, мама будет только рада... Ты же видишь, как он от тебя весь горит, он тебе сделает золотую жизнь...

Тетю Геню вызвали телеграммой в Черновцы, и через два дня Неля уже носила на пальце толстое золотое кольцо. Никто из наших на свадьбе не был. Все мамины сестры в один голос заявили:

— Чтобы всего за несколько дней получить приглашение на свадьбу, у нас о таком не слыхивали. Бедная Геничка!

Тетя Геня прожила одна месяц-другой, потом приехала к нам в Кишинев и стала плакаться моей маме:

— Детям пришлось искать счастья на стороне, они не получили от меня того, что получают от родителей другие дети.

— Ай, оставь, не говори глупостей, ты дала им все, что могла, и даже больше, ты даже замуж не вышла, чтоб у них не было другого отца, — утешала ее мама.

Но сейчас, когда она осталась одна, почему бы Гене не сойтись с хорошим человеком? Тетя Геня поселилась у нас, и ей стали искать жениха.

Недостатка в женихах в Кишиневе не было никогда. Всегда кто-нибудь умирал, и оставались вдовцы, пожилые, избалованные, привыкшие, что им готовят вкусную еду и следят за их здоровьем. Обратились к свахе. У тети Гени начались очень занятые дни. Сваха приходила к нам и рассказывала про очередного жениха. Тетя Геня просила только, чтобы этот человек имел свою жилплощадь, не был бы слишком агрессивен и чтобы за ним не надо было выносить горшок.

Геня перебирала одного за другим, никто ей не подходил. Папа как-то даже пошутил: она, может быть, думает, что она все еще клайнэ, шайнэ мэйдэлэ, молоденькая, хорошенская девушка... На что мама сказала:

— Когда женщина долго не была замужем и не видела близко мужчину, так-таки трудно, потому что можно легко ошибиться.

Но все-таки Генин час пробил. Она познакомилась с Беней, три дня спустя привела его к нам и сказала маме:

— Кэн зайн. Может быть.

Мы все немного удивились ее выбору. Он хоть и выглядел молодцом, но был много старше ее. Он хорошо знал, что Геня идет за него из-за прописки.

Геня сказала, что, кажется, у него хороший характер. Мне он тоже понравился. Сейчас я вам его опишу, а вы сами решайте, годился он Гене в мужья или нет. Он уже много лет вдовел, детей у него не было. Бывший печатник, всю жизнь проработал в типографии. Неплохая пенсия и небольшая двухкомнатная квартира в центре города. В Кишиневе никаких родственников. Две его сестры в тридцатых годах уехали в Америку, после войны никакой связи с ними не было. Хорошего роста, и хоть немного сутулился, широкие плечи делали его фигуру значительной. Ежик на голове, как у актера Кирка Дугласа, большой, мясистый, ровный нос с красными нитями прожилок — вы бы нашли его весьма симпатичным. А когда он улыбался, показывая все свои железные зубы, он вас покорял.

Он принес купленный в кулинарии ореховый пирог, выложил его на стол и сказал:

— Если будем пить чай.

— Ну, если Геня сказала «да», пусть так и будет, — сказали ее сестры.

— Тем более что он дарит цветы, — добавил пapa, — и это в его годы...

Тетя Геня прописалась на жилплощади Бени, и в его холостяцкой квартире запахло уютом. Беня каждые два дня менял рубашки. Приносил с рынка в одной руке большую кошелку с провизией, а во второй пару еще живых кур, немного сомлевших — он нес их вниз головой, как носили все у нас.

Он окружил Геню материнской заботой, и поначалу ей это нравилось. Через день-два после ее вселения он стал ее повсюду сопровождать. Вначале Геня не придавала этому значения, но вскоре это стало ее тяготить.

Особенно когда она ходила по квартирам своих заказчиц: Геня начала шить лифчики, и у нее появилось много заказов. К ней шли те, у кого грудь была больших размеров и чьи тяжелые «булки» не умещались в стандартные лифчики, продававшиеся в универмаге. Беня сопровождал ее, но в дом никогда не входил, всегда ждал ее на улице. Геня вначале только пожимала плечами, потом начала раздражаться. И еще один штришок в его характере заставлял ее нервничать. Когда они бывали вдвоем в городе и кто-то незнакомый обращался к ней с вопросом, Беня тут же встревал в разговор и отвечал за Геню. Геня делала большие глаза и часто дышала.

И она стала незаметно уходить из дома. Оставляла в прихожей сумку, куда заранее клала плащ и выходные туфли; садилась смотреть телевизор в домашних тапочках, вдруг вставала со словами «Ой, я что-то забыла», выходила из комнаты, в прихожей брала сумку, сбрасывала тапки, одевала туфли и быстро выскальзывала наружу. Плащ она одевала уже во дворе. Беня не успевал среагировать — давала себя знать разница в годах.

Тогда для Бени наступали ужасные часы. Обнаружив, что она ушла, он срывался, запирал квартиру и бежал в город. Хорошо, если он находил ее сразу — он знал, где она могла быть. Но если интуиция его обманывала и Гени там не оказывалось, у него начиналась истерика. Он бегал по всему городу, наклонившись вперед и вытянув свой нос, как гончая за зайцем. Встречая общих знакомых, он останавливал их, спрашивал: «Геничку мою не видели?» и гнал дальше. Поиск всегда заканчивался его приходом в наш дом. Он обессиленно падал на стул, дрожащей рукой подносил ко рту стакан с кипяченой водой — другую в Кишиневе не пили, — выпивал глоток, стуча зубами о стакан, и страдальчески подняв глаза на маму, завывал:

— Голда, умоляю, скажите, где сейчас может быть Геничка, умоляю, скажите мне, где?

Моя мать сначала посмеивалась, но все это ей скоро надоело.

— Беня, — строго говорила она, — вы позорите Геню по всему городу, перестаньте ее повсюду искать, мало ли дел у взрослой женщины! Вы доиграетесь, что Геня уйдет от вас и будет права. Не бегайте за ней, что с вами, ей же не двадцать пять лет, чтобы она... да как вам не стыдно даже думать такое!

Да-да, Беня таки думал, что Геня ему постоянно изменяет. Но с кем?

— С тем, кто моложе меня, — отвечал Беня и начинал сморкаться и плакать.

Когда он сморкался, его большой нос издавал трубный глас. Мама терялась, ей было жаль этого старика, который приютил ее сестру.

— Какие глупости вы говорите, Беня, ей скоро шестьдесят лет, что у вас в голове? От вашей ревности можно сойти с ума. Вы этого хотите? Для этого она выходила за вас, чтобы вы бегали за ней по городу и позорили ее?

Беня выпивал еще стакан кипяченой воды — он не признавал ни чая, ни кофе, — вставал и говорил на прощанье:

— Голда, вы святой человек, вы не понимаете...

И уходил. Весь этот разговор происходил, разумеется, на идиш: Беня плохо говорил по-русски.

Когда он приходил к себе, Геня была уже дома. Беня забывал всё, что говорила ему моя мама, и вместо радости начинал мучить ее и себя. Он устраивал допрос: ну, где же ты была, расскажи мне? Глаза его бегали по ее лицу — он пытался угадать, где ложь, заготовленная для него. Геня старалась не злиться, но чем спокойнее она отвечала, тем больше ему мерещилась ложь в ее ответах. У него начиналась истерика. Тут не выдерживала она.

Беня, наверное, понимал, что все портит, что исчезает то хорошее впечатление, которое он произвел на Геню вначале, но ничего не мог с собой поделать и продолжал изводить свою жену. Потом он рассказал, что был уверен: Геня изменяет ему не с одним, а с несколькими, он хотел знать, кто они:

— Тогда мне было бы легче.

Я пытался убедить его, что он сильно ошибается и Геня ему не изменяла вообще. Он сказал мне на идиш:

— Ты еще молод и мало понимаешь в женщинах.

Меня это задело, и я, не подумав, спросил:

— Беня, сколько у вас было в жизни женщин?

Он посмотрел на меня и сказал:

— Ты не должен так разговаривать со мной, ведь я намного старше.

А я думаю, что у него была только его жена, которая рано умерла. И до Гени больше никого. Почему я так думаю? Если бы вы увидели дядю Беню, вы бы меня поняли.

И еще мне кажется, что он слишком любил Геню — обрушил на нее весь свой нерастраченный за сорок лет пыл любви, который его муттил и распирал. Но Гене от такой его любви было тяжело, и чем дальше, тем тяжелее. Она плакалась маме, что в те дни, когда она никуда не уходила, он буквально носил ее на руках и приносил подарки.

— Но я же не могу из-за этого цидрэйтера, свихнувшегося, сидеть дома! Позавчера ко мне должна была придти заказчица, а он как раз должен был уйти. Так я, дура, на радостях не подумала, взяла и накрасила губы. И всё. Он это увидел и говорит: «Зачем ты накрасила губы, куда ты хочешь уйти?» Я говорю, никуда, а наоборот, это ко мне должна придти заказчица. Зачем же я накрасила губы, если я никуда не ухожу? «Идиот, — говорю я, — если к тебе приходят, пусть даже женщина, так что, нельзя накрасить губы?» Он это выслушал, ничего не сказал и сел. Я уж не напоминаю, что он хотел уйти, а то опять подумает плохое. Так он сидел до последней минуты, а я на него смотрела как на идиота и про себя смеялась... Потом он все-таки встал, несколько раз сказал, что идет всего на полчаса, и вышел из комнаты. Но я уже что-то заподозрила — и я таки была права. Слыши, он возится с наружным замком. Я сразу поняла. Он хотел запереть меня, чтобы я не могла никуда уйти. Я разозлилась, бросилась к двери и сильно ее толкнула. Она чуть не вылетела, и он вместе с ней. Я даже испугалась, он чуть не упал. Я крикнула ему: «Зачем ты хочешь меня закрыть?» Он сказал, весь красный и испуганный, что вовсе нет, он просто пробует, почему замок в последнее время плохо закрывается. У него даже на лице было написано, что он врет как вор, а гоны. Ну скажи, Голда, можно жить с таким человеком? Я с ним с ума сойду.

И вправду ничего хорошего в этом не было и дальше могло быть только хуже. Но тут кое-что произошло.

Что же, спросите вы? Сейчас я расскажу.

Помните, у Бени две сестры жили в Америке. Раз он получил с почты уведомление: ему пришло из Америки заказное письмо. Беня сильно испугался и на почту не пошел. Пришло второе уведомление. Беня снова не пошел и стал ждать ареста. Он даже хотел поменять квартиру, чтобы сменить адрес. Но ареста не последовало. Прошло несколько лет, и уведомление пришло снова. На этот раз Беня испугался меньше, да и Геня сказала ему, что не те времена и бояться нечего.

Они пришли к нам посоветоваться. Папа сказал, что можно пойти. Мама сказала, что нужно пойти. Маме Беня доверял больше, чем папе. Они с Геней пошли на почту и получили американское письмо. Там было приглашение приехать к сестрам в Лос-Анджелес.

Беня ходил сам не свой. Он даже перестал мучить Геню. Все говорили ему, что надо поехать, увидеть сестер, сколько ему и им уже лет, так хоть на старости... Беня все не мог решиться. Меньше всех его уговаривала Геня. Она боялась, что если она скажет: «Езжай», он тут же ее заподозрит — ну, вы поняли.

Я в это время жил в Москве. Как-то получаю вызов на главпочтamt на телефонный разговор. Я пошел. Беня сказал мне в трубку: «Это ты?» Я хотел сказать что-то смешное, но понял, что с Беней шутить не надо. Он сказал, что взял билет на самолет и через два дня прилетает ко мне в Москву: ему надо пойти в американское посольство и получить визу в Америку. Я что, не знаю, что он едет в Америку? Что же я молчу?

Я встретил его как положено. Он похлопал меня по плечу, осмотрелся вокруг и сказал — сплошные гои, как ты тут живешь? Я спросил его: как поедем, на такси или на автобусе? Он посмотрел на меня и сказал:

— Что вдруг, на такси! Я еще не миллионер, а что, автобус — это плохо?

Я хотел заплатить за билеты, он поймал мою руку, задержал ее, вложил туда свои деньги и сказал одно слово: «Угырет!» Что означало «Не спорь!» Наконец мы добрались до дома. Вышли из метро и пошли пешком, до моего дома было недалеко. В метро Беня молчал, только озирался вокруг и произносил лишь: «Ува!» Что означало на идиш восхищение. Он спросил:

— Это Сталин построил метро, да?

Я сказал:

— Нет, один еврей, Каганович.

— Что ты говоришь, этот убийца дал еврею построить метро? Не может быть!

Сталина Беня ненавидел и до сих пор боялся. В свое время он за Сталина отсидел целых семь лет в Потьме, выдержал все тягости, что пришлись на его еврейскую душу, — а всего-то на работе рассказал безобидный анекдот, где было имя Сталина, и кто-то донес. После смерти Сталина он вышел, но жена его уже умерла, — как говорили, с горя. Беня мне как-то сказал: «Если бы я его встретил, я бы его вот этими руками...»

Мы вошли в мою комнату, Беня поставил чемодан, и я увидел, что он смотрит на стену напротив. Там висела деревянная статуя Иисуса. Такие примитивные распятия, вырубленные топором и стамеской, стояли в молдавских селах на дорогах у колодцев. Не помню, кто мне подарил этого Иисуса, но он мне очень нравился. Беня смотрел на него, не спуская глаз.

— Вам нравится? — спросил я его.

— Что нравится? Ты с ума сошел. Ты знаешь кто это?

— Знаю, Беня, знаю. И что вам не так?

— Это же гойский бог, ты что, не знаешь? Ты же еврей, сними его сейчас же, сними!

Мне очень не понравилось его самоуправство в моем доме, и я сказал, что не сниму. Тогда он встал, взял чемодан и сказал:

— Где тут близко гостиница? Я иду туда.

Вид у него был решительный, и я понял, что он так и сделает. Скрепя сердце я снял скульптуру. Беня сказал:

— У тебя есть печка? Брось его туда!

Я сказал, что в Москве нет печек, тут центральное отопление. И что я просто выкину его во двор. Я вышел из комнаты на кухню и там сунул скульптуру под тумбочку. Через пару минут вышел Беня и спросил: «Ну, куда ты его дел?» Я сказал: «Выбросил в окно». Беня подошел к окну, посмотрел вниз, но ничего не сказал: у него было неважное зрение.

На следующий день мы пошли в американское посольство. Беня сказал милиционеру: «Я не умею говорить по-русски, а это мой племянник, так он будет мне переводить. Он мне нужен там». Но милиционер сказал, что там его поймут. Я остался ждать снаружи, Беня пошел один.

Потом он рассказал мне, как хорошо его приняли, а один американец, наверняка еврей, просто дал ему пятьдесят долларов. Так дал, ни за что. Потом мы ходили в центральный банк, где Бене поменяли советские деньги на сто американских долларов. Беня сказал, что американские намного красивее.

Ему очень понравилась Красная площадь, он захотел зайти в ГУМ, и мы зашли, но Беня сказал, что там нечем дышать. Я пригласил Беню поесть в кафе, но он сказал, что я тоже еще не миллионер: что, дома у меня уже нечего есть? Так пойдем в магазин, купим продукты, и я тебе сварю такую еду, эпэс!

Вечером Беня спросил, что мне привезти из Америки. И тут я сказал ему то, что давно хотел сказать: «Беня, вам не надо возвращаться». Он сделал удивленное лицо:

— Почему, а как же Геня?

Не помню точно, какой это был год, да и неважно — помню, что был Брежнев. И я сказал Бене:

— Геня проживет и без вас. Скажу вам по секрету: Геня хочет уехать в Израиль. А вы хотите?

— Что мне там делать?» — сказал Беня, и сказал правильно.

— А в Кишиневе что вам осталось делать? Сколько вам лет, Беня, вы помните? И все эти годы, что вы жили в Кишиневе, вспомните, как вы жили?

Вас ни за что посадили на семь лет. И что хорошего вы видели от этой советской власти? Так хоть на старости лет поживите как человек. Ваши сестры наверняка живут в достатке. И вас они хорошо примут и не оставят на улице.

Я еще много чего сказал ему. Он сидел молча, слушал меня, ни слова не сказал в ответ. Он был задумчив, дядя Беня.

На следующий день он спросил: «Ну, а если мне не получится остаться, всяко бывает, что тебе привезти?» Я сказал: «Джинсы» Он спросил: «Вус из дус?» Я стал объяснять, он ничего не понял. Я сказал: «Выходи в город, я покажу», и показал ему парня в джинсах. Он подошел поближе, рассмотрел: «Ты хочешь ходить в таких шматес?! Ты что, совсем? Это же одежда для маляра, ты что, не видишь?»

Когда я провожал его, он заплакал и спросил меня:

— Так ты думаешь, что Гене я совсем не нужен?

Не помню, что я ответил.

Через три месяца я получил телеграмму: «Встречай». Черт, сказал я себе, он все-таки возвращается, этот старый дурак. Он привез три больших чемодана. Таможенники потребовали, чтобы он заплатил пошлину. На что Беня устроил им такой цирк! Он стал плакать, что у него нет ни копейки денег, что его встречает племянник, тоже бедный студент, и что если ему не отдадут его чемоданы, он останется тут, ляжет и будет лежать!

— И что ты думаешь, — со смехом рассказывал он мне, — я лег там прямо на пол, на холодный цемент, и так лежал. И они сказали, ладно, идите себе уже отсюда, только скорей!

Я постарался улыбнуться, чтобы оценить его хитрость, но мне было грустно. Мне хотелось ему сказать: «Зачем, зачем вы вернулись сюда, дядя Беня, когда вы могли остаться в самой Америке!» Но я сказал только, что с его тремя чемоданами мы поедем только на такси. Он согласился и сказал, что платить будет только он. Когда мы сели в такси, он толкнул меня плечом и с улыбкой сказал:

— Увидишь, что я тебе привез!

Дома я принес ему стакан крепкого чая с лимоном. Он сказал:

— Ты знаешь, там, у одной моей сестры, лимон растет так, что ты можешь достать его из окна рукой и сорвать. И апельсины тоже.

И попросил меня открыть чемодан. Я открыл, но в том чемодане были две свернутые шубы. Он попросил вытащить одну и расправить: шуба была из искусственного меха, красивая, я такую никогда не видел. Он сказал: «Одну Гене, одну на продажу». Во втором чемодане были еще одна шуба, несколько платьев и кофточек: «Это тоже для Гени и ее дочери».

Наконец я открыл третий чемодан, где были подарки для меня. Сначала я вытащил костюм. Он был из тонкого материала, красивый, я такой видел в американском кино. Потом были две белые рубашки, тоже из кино. Я надеялся, что увижу и джинсы. Там были еще пакеты. Я посмотрел на Беню. Он сказал: «Эти шматэс, которые ты просил, я тебе тоже привез, но зачем они тебе?» И глазами указал на один из пакетов. Я открыл его: Беня не то что угадал, он ТАК угадал!

Это были джинсы Levi's, но не просто обычные джинсы, а джинсы-комбинезон с двумя лямками, а спереди от пояса шла вставка, на которой лямки застегивались. О таких я даже не мечтал. Дядя Беня сказал, там, в другом пакете, есть еще для тебя такие брюки, только уже без подтяжек. Когда я покупал их, мне дали бесплатно и эти. Они наверное подумали, что ты будешь красить в них что-то. Я открыл второй пакет. Там тоже были «левайсы». Я померил: фикс. Я посмотрел на Беня. Он был доволен.

Еще он привез мне сигарет. Я удивился: ведь узнав, что я курю, он сказал, что это «фэ», и велел немедленно бросить. А теперь привез мне сигарет! Беня это объяснил. Раз он зашел в магазин и увидел на прилавке красивую пачку, в которой было всего пять сигарет. Беня, уж не знаю как, языка он не знал, спросил продавца: «Почему только пять?» А это были пробные сигареты, их давали бесплатно. Тогда Беня спросил: «Так можно их взять так?» Продавца удивил этот стариk-неамериканец, и он сказал — берите. Беня взял и пошел в другой такой же магазин и там тоже выпросил рекламную пачку. Всего в чемодане было двадцать таких пачек «Мальборо». Мог ли я о таком мечтать?!

Я все-таки спросил, почему он не остался у сестер. Он ответил, что их мужья к нему плохо относились. Это во-первых. А потом...

— Ну, что я там буду делать? Никого не знаю, говорить на том языке не умею. У них там даже нормального рынка нет. Огромные магазины, как они только не теряются... И город, ты бы видел этот огромный город, я там никогда бы не смог один выйти на улицу. И потом, сестры мне накупили столько подарков для Гени. Что вдруг я там должен остаться?

Не было смысла его переубеждать, бедного дядю Беню. Потом он мне доверчиво сказал, что ему дали доллары, и он их спрятал в трусах. Я сказал, что лучше их продать, все равно он не сможет их потратить. Беня спросил, а это не опасно?

Я знал фарцовщика Юру. Позвонил ему из автомата и сказал, что у меня есть для него пара хороших книг. Юра понял и на следующий день пришел в указанное место. Он спросил, какая у меня валюта и откуда, я сказал: «Мой дядя привез из Америки». «Дядя надежный, мы не вlipнем?» Я продал ему все доллары. Дома Беня сказал, что волновался за меня. Я отдал ему рубли.

— Ува, — сказал он, нивроко столько!

Он отсчитал пачку десятирублевок и дал мне. Я сказал, мне не надо. «Еще как надо, бери, что мне с ними делать, у меня хорошая пенсия накопилась. Бери, мы же не чужие».

Через день я провожал его. Он обнял меня, заплакал и сказал:

— Да, ты прав, в Америке золотая жизнь, но я уже привык к нашему дрэку.

Потом вытер рукой глаза:

— Может, Геничка обрадуется, когда я приеду. Столько ей подарков везу...

Геня имела совесть — не уехала, пока Беня был жив. Он не заставил ее долго ждать — умер во сне ровно через год. Тогда только я узнал, сколько ему было лет. Восемьдесят восемь, нивроко.

ПИСЬМА

ЯРОСЛАВЛЬ, 28-е ПИСЬМО

Новогодние праздники

Вы мне говорите... Да я уже ощутил от этого разврата, который устроило народу «товарищ правительство». Из каких последних денег пьет народ моего брагинского района? Днем в магазине было не протолкнуться — колбасу, ветчину, селедку и водку с пивом народ брал в две руки. От тепла снег рыхлый, едва прикрывает льдистую поверхность, на которой и трезвому не удержаться — а пьяные так фуячились спинами и мордами об асфальт около магазина, где подъем дороги крутой, что токо звуки — хэх, ебтомать! — раздавались...

У нас были гости — теща с Терентием, брат Лены с женой и дочкой, подруга Лены, Маша. Лена решила выпендриться и купила в «Метро» помидорки черри и фету, благо был дисконт на них, и сделала израильский салат с имеющимся у нас затром. Еще купила два авокадо и размяла с яйцом. Из кальмаров я сделал по памяти салат. Ну и капустка квашеная, грибочки, селедка с картошкой... Сплошная русско-еврейская еда с литровой бутылкой «беленькой», которую мы в основном с Терентием старались прикончить. Лена и Маша немного помогали. Терентий, когда не водит, выпить любит. Чтобы потом спорить со мной, что честнее компартии сейчас нет. Если б не запеченный гусь (тоже из «Метро»), мы б стоки не выпили. Братан ее пьет только коньяк и при этом говорит афоризмами. Потом вышли проводить их, и я с Фучем еще гулял при тихой, хорошей погоде. Впереди, заметил я, шла семейная пара, лет

им по 30, она везла санки с ребенком лет пяти, оба были поддатые — муж больше, и они ссорились на ходу, не обращая на меня никакого внимания.

Она была такая русская красавица, в хорошей шубе и шапке, чуть полновата. А он был высокий, с несимпатичным лицом, и она ему говорила — больше с тобой, бл..., мудаком, пить никада не буду, потому что ты, е... мудак, пить не умеешь, бл... и болтаешь своим отвязным языком, чо не попадя... И мне за тебя, мудака дурного, стыдно, бл... перед родственниками, зае.... ты, на мою голову навязался...

А он отвечал ей в том же духе и обещал, что счас врежет ей и она заглохнет. А она отвечала, что ага, как же, он на месте развернется не успеет, как она его уфуячит, и он мордой об землю.

Такая шла у них беседа и ребенок им не мешал. Я шел сзади с Фучем, потом мне надоело, я поравнялся с ними (тогда и рассмотрел их), чтобы обогнать, и когда она сказал, хлопнув себя руками по бокам: «Господи, ну скоко я этого мудака терпеть буду, еб его!» — я вдруг (сам не знаю как) сказал вслух: «А чо не разведетесь, молодежь?»

Она обернулась, не удивясь, и сказала: «Ха, как же, разве это уебище отвяжется, пробовали уже...» И продолжала путь. А он остановился, посмотрел на меня и сказал: «Дед, тебе что, по ебалу дать сейчас, чо лезешь?»

Он был прав, но я не испугался и сказал ему: «Ты токо двинешься, и моя собака тебе тут же в глотку вцепится, ты не смотри, что он спокоен». Она тут же остановилась, его рукой отвела и сказала: «Да ладно, отец, не слушай ты его, ничо он тебе не сделает. Это мне только наказание».

Мне стало неловко и я сказал: «Да ладно вам, что вы ссоритесь, праздник ведь, кончайте...» Она сказала: «Дед, ты прав, но он меня достал, этот мудак». Она чувствовала, что я на ее стороне, и продолжила: «Дед, ты хороший мужик, пойдем с нами, мы вон там живем, зайдем к нам и дома мы водки выпьем, у нас есть, хочешь?»

Жили они недалеко, но я не стал их провожать, тем более что муж ее не настаивал, и ему было не очень ловко чувствовать себя обосранным при постороннем. Я дернул Фуча и мы отстали.

Вот вам и вся наша брагинская жизнь.

Еще мне Маня сегодня, лежа в ванной, когда я ее что-то спросил, на что она не хотела отвечать, сказала: «Ты, папа, мне таких вопросов в ванне не задавай, подожди, когда я буду одетая...»

У нас с боссом возникла обоюдная идея — сделать в синагоге бесплатную столовую для бедных. Он сказал — дай проект. Мне это нравится, во-первых, буду директором, а это моя мечта. Во-вторых, зарплата повысится, а главное — буду диктовать поварихе, что готовить. Кайф! Но это еще фифти-фифти и когда

будет, а пока что меня по-прежнему окружают такие мудаки, что я просто офуеваю. Сто, кажется, лет не был в подобных условиях. А вы говорите...

Рассказываю Мане сказку перед сном. Она тянет время, не хочет засыпать и просит еще одну, и еще. Я говорю — всё, последнюю, и я уйду! Когда заканчиваю, она вдруг говорит мне — давай я тебя на прощание обниму. И обнимает. Я ей говорю, что она самая-самая, и что только ее я люблю. Она говорит: «Правда?» Я говорю: «А как же!» Тогда она говорит: «Ты токо не люби Катю Афанасьеву, потому что она ест снег и мне дает. А мама мне не разрешает».

Пока, Лзр

ЯРОСЛАВЛЬ, 10-Е ПИСЬМО

Вчера, был смешной окэйжен. У Лены в сумке вырвался из гнезда ремешок, и она попросила меня исправить. Я посмотрел, оказалось, что надо поставить заплатку на сумку. Я вспомнил, что недалеко от работы есть ниша в стене дома, и там сидит сапожник. На взгляд вроде неплохой, хоть и не айссор, а русский. Когда пришел к нему, увидел, что он и какой-то его кореш сидят и выпивают. На грязном стуле лежали черняшка, колбаса и сало, которые они резали грязным сапожным ножом. Грамм 500 они уже выпили. Сапожник этот протянул руку, чтоб взять у меня сумку и браться шить, но я сказал, что сегодня он уже не швец, на что он рассмеялся и сказал: «Мужик, выпить с нами хочешь?» Было жарко, и, хоть мне всегда соблазнительно в таких ситуевинах выпить с рабочим классом, я отказался.

Потом обменялись еще парой слов, я сказал, что зайду завтра, и собирался уже отвалить, как поддавший сапожник вдруг сказал, что друг его, между прочим, олимпийский чемпион, и добавил, что по боксу.

«Чемпиону» на вид было за 50, я всмотрелся в него и не находил в нем знакомых черт олимпийца. Только было я собрался спросить его фамилию — мало ли что, может, действительно в Ярославле такой есть, как он, вдруг словно очнувшись, сказал сапожнику: «Чо ты пиздишь! Щас дам по ебалу, какой я нах... чемпион, вовсе не чемпион, а член комитета». И мне: «Ты ему не верь».

Но хрен с ним, что не чемпион, я его спросил: «Но ты боксер?» Он сказал: «Да, блин, боксер». Я прикидывал — в каком весе он мог драться? Глядя на его выпиравший из рубашки живот... И тут он сам сказал, что до 63,5 кг был. Я спросил — на спартакиаду ездил? И он сказал, что был даже призером ее. И сидя показал стойку.

Да, стойка была настоящей. Мне, в общем-то, было пофуй, если он и не был призером. Просто приятно было встретить боксера тут, хоть и чужой, но

«свой»... Захотелось сказать, что вот и я тоже, был когда-то, но как-то неловко было выпячивать себя, и я ждал. Он, словно угадав, сказал, а ты что интересуешься, чо, тоже? От радости я тоже показал стойку. Он встал со стула, чтоб получше в меня взглянуться, и спросил: «А ты в каком весе?» Потом спросил, в каком обществе, и не обрадовался, когда я сказал, что в «Динамо». «А, бля, менты...» Мне пришлось сказать, что мне пох... менты, но боксеры-динамовцы были не последние бойцы. Ему пришлось согласиться. Потом мы обменялись знакомыми фамилиями знаменитых и менее боксеров. Он был моложе меня на четыре года, и это было существенно, но когда я сказал, что тренировался у Сегаловича, он встал, и я подумал, что он меня счас поцелует. Но он налил в граненую стопку, положил сало на хлеб и протянул мне. Потом сделал то же самое себе и протянул руку чокаться. Сапожник обижено сказал: «А мне, бля, чо? Или токо боксерам наливают?» Боксер сказал ему: «Ты, бля, велосипедист хуев, не лезь к боксерам, потом выпьешь. Не видишь, два боксера настоящих встретились». И мы выпили. Потом он налил велосипедисту и выпил с ним.

Оба были изрядно пьяны и несли много обычной чуши. Потом «боксер» спросил меня, украинец я или еврей. Я ответил, и сапожник сказал, что я их друг все равно, и что все равно он мне сумку сделает бесплатно. А боксер сказал, чтобы я приходил в зал и сказал, что я от Новожилова. Но в какой зал не сказал, и я не спросил. Потом он достал из-под сиденья еще бутылку. По шее тек пот, и я решил, что надо свалить — становилось неинтересно, кайф от встречи тускнел. Я пожал им руки — оба старались покрепче пожать мою, и Юра-сапожник сказал, чтобы я завтра обязательно зашел к нему, и он мне все сделает. А боксер сказал, что встретимся в зале, и снова пожал мне руку. Я понял, что надо уходить, и ушел. Шел и думал — ну вот, я обживаюсь в городе, боксера встретил...

Ма нишма? Лзр